

МИКАЭЛ ТАРИВЕРДИЕВ: МЫ, НЕ ОТМЕЧЕННЫЕ СТРАХОМ

Моег. Чувств. —
1997. 10.10.97. — с. 15.

Утверждать с пеной у рта, что племя композиторов принадлежит к интеллектуалам, я бы не стал. Это особенный мир. Был у меня знакомый сочинитель легкой музыки, тапер-феномен. Изумительно добрый, славный человек. "Послушай, — говорит однажды. — Я написал песню. На текст Пастернака!" Он с блеском сыграл прелестное старомодное танго. И спел, ликуя:

Ты значил все в моей судьбе.
Потом пришла война, разруха,
И долго-долго о тебе
Ни слуху не было, ни духу...

В его аккордах промелькнула ностальгия по танц-площадкам 40-х годов, воскресла первая любовь, состоялось расставание с подругой. Я спросил: "А кто этот "Ты", который "все значил"? Оказалось, мой композитор не просек, что речь в стихах идет о Боге.

Сейчас я думаю, что, наверно, про любовь к Христу можно петь и в стиле танго. В конце концов в основе таких мелодий — народная музыка.

Не знаю, произведет ли на читателя впечатление интеллектуала Микаэл Таривердиев (1931 — 1996) в мемуарах, выпущенных "Вагриусом" в серии "Мой 20 век". Я начал читать их со скепсисом, постепенно проникаясь сочувствием, воодушевлением; наткнулся на похожий случай, приключившийся с ним, но и он меня, стихотворца, не отпугнул.

Таривердиев — любимый публикой постромантик, тонкий мелодист, автор опер "Граф Калиостро" и "Ожидание", балета "Девушка и смерть", симфонии для органа "Чернобыль". И, конечно же, музыки — к 80 кино- и телефильмам. "Семнадцать мгновений весны" и "Ирония судьбы, или С легким паром!" Нашенский Нино Рота.

Книга написана (или наговорена на диктофон?) без претензий. А симпатичная личность автора заставляет вспомнить не слышавшего слова "генетика" Гете: он говорил, как тесно связан с климатом всякий впечатлительный художник.

Таривердиев — не исключение.

Тон мемуарам задает начальная фраза, наивно-шутливый эгоцентризм: "Разве не заметно, что я — единственный", — отвечаю я, когда меня спрашивают, есть ли у меня брат или сестра. И похвала волшебному городу, названному "полифоническим": "Синее небо моего детства, небо Тбилиси, жаркое лето, воздух, напоенный запахом южной зелени и настолько густой, что, кажется, можно резать ломтями".

Итак, армянский мальчик тбилисского разлива (раньше говорили "рзлив"). Отец — далекий потомок перса, осевшего в Армении в XIII веке, уроженец Карабаха — работал директором Госбанка Грузии. Мать — Акопова — из зажиточной и старинной семьи, уважаемой в городе. Противоречивое советское время преломилось в Грузии по-своему. Слово "товарищ" не вытеснило слова "господин". И родственникам репрессированных в годы большого террора старались не дать почувствовать себя изгоями. Среди впечатлений детства: фильмы "Чапаев" и "Истребители"; настоящий пионер Павлик Морозов, достойный подражания: "Взрослые слушали нас, никогда не возражали, но и не поддакивали. Интересно, что мы сами никогда не проецировали это на самих себя. Донести на своего отца? Это невозможно!"; дружба с девочками Джеммой и Джесси, мать которых оказалась "турецкой шпионкой"; светловская "Гренада, Гренада, Гренада моя..."; шепот на кухне: "Каяться или нет?"; под-

слушанный разговор, что Серго Орджоникидзе не умер от инфаркта, а застрелился: "А папа говорил о дяде Серго, которого он знал?" "Нет-нет, — сказала мама. — Это совсем другой человек, он жил в деревне... но никогда об этом никому не говори"; ночи без родителей, которые работали "по внутренним часам Иосифа Сталина"...

И музыка, музыка. Интересно, какая?

У нас на вечеринках и праздниках поют в унисон. Не то в Грузии. Я переводил поэтов-кавказцев. Есть стихотворение Кишварда Исакадзе "Швидкаца" (т.е. семеро мужчин). О поющих мальчиках: "Когда начнет смеркаться, начнет ансамбль "швидкаца", и подпойт семерке луна и облака". Вот, наверно, без "швидкаца" не было бы Таривердиева. Он вспоминает: "Иногда вечерами за каким-нибудь окном, а то и просто на балконе собираются мужчины и начинается знаменитое грузинское музицирование, абсолютно непонятное мне и по сей день. Как люди, никогда нигде не учившиеся, встречающиеся, быть может, в первый раз, с такой точностью на ходу аранжируют мелодию на четыре, пять, шесть голосов?.. Я вырос на этом пении. И еще на Шуберте".

Мика-мальчик заходил к соседу брэнчать (в тексте: "брынчать") на рояле. Пока сосед не сказал: "Пусть папа купит тебе пианино". Пьесы типа "Похорон куклы" быстро надоели, и он стал сочинять собственную музыку.

Пианино просуществовало до 1948 года. Его с другим имуществом конфисковали, когда отец 17-летнего Микаэла был арестован и осужден (вышел в 1953-м, после смерти великого вождя, сломленным человеком). И детство на этом закончилось.

Потом Таривердиев поступил в Институт имени Гнесиных. Под крыло Арама Хачатуряна. А потом вошел в широкий круг молодых московских поэтов, живописцев, актеров. В мир шестидесятников: "Нам казалось, что нужны мы, именно мы, молодые, не отмеченные страхом предыдущих поколений". Он заразился презрением к так называемой "советской песне". Научился свободомыслию. Недоверию к властям, к навязанной идеологии. Эпатажу "партийных дедуль". Жажде обновления. Чувству будущего. И будущего счастья: "Впереди, мне казалось, меня ждет только

радость..." Эти слова вынесены в подзаголовок, как ключевые.

По Таривердиеву, "самая поколенческая вещь" — фильм Калика по повести Балтера "До свидания, мальчики". И он не скрывает, что сам до конца остался мальчиком.

Можно бы предположить, что у него было сильное родовое чувство. Однако это не так. И начальная фраза в книге не случайна. Вот он приехал в Ереван, вот почувствовал грусть, одиночество. Голос крови не заговорил. Он объясняет: "В школьные годы мы не имели понятия, кто есть кто, кто из нас русский, кто грузин, кто еврей... Даже шпана у нас была интернациональной..." Он называет предводителей "плекановской" шпаны (в русской части Тбилиси) — будущих знаменитостей: Володя Бураковский (ныне кардиохирург), Женя Примаков. В другом месте пишет: "Для меня родные люди — вовсе не обязательно родственники. И чаще всего именно не родственники". Он был человеком не крови, а климата, в том числе климата культуры.

В книге много персонажей. Самый обаятельный: Михаил Калик. Оказывается, арест и лагерь талантливого режиссера, тогда студента ВГИКа, нелепо и подло связаны с половыми похождениями Берии. Изнасилованная им девушка открылась своему другу. Он кому-то проговорился... И тут же, как готовившие покушение на Сталина, были арестованы: она, он, и те, чьи телефоны были у юноши в записной книжке. Сорок человек. Среди них — Калик. Все подписали признание.

Самый забавный персонаж: поэт Поженян, вообразивший, что он кинорежиссер. Что гений, который может все. От его деспотизма со съемочной площадки бегут актеры. Оскорбил Переверзева. Переверзев: "Гриша, как твой фильм называется? — "Прощай". — Прощай, Гриша! — У Переверзева была роль адмирала. В следующей сцене он не появился. Вестовой спросил: "Где товарищ адмирал?" Ему ответили: "Убит". Так же ушел актер Стриженов. "Конечно, фильм не получился. Да он и не мог получиться. Но мы замечательно провели время"(!)

Таривердиев пишет о людях так, что не ощущаешь к ним неприязни. Даже Фурцева, что уговаривала, да не уговорила его выступить с покаянной речью на совещании в ЦК, не выглядит злодейкой.

В главе "Растиньки шестидесятых" есть прозрение. Что ничего объединяющего в понятии "шестидесятники" нет. И что общество в этот период проявляло к культуре "не обычный, а ненормальный интерес". Есть и другие мысли.

Последнюю главу написала вдова композитора Вера Таривердиева. Он любил дарить подарки. И получать подарки. Но не "полезные". Больше всего игрушки: все, что движется. Чтoб зажигались лампочки. И чтoб была инструкция. Ну, разве не мальчик?

С 1952 года Таривердиев жил в Москве. Когда все ринулись хоронить Сталина, он пошел на похороны Сергея Прокофьева. Москва стала второй родиной, и он привык к ее "торопливому стилю", полюбил "уже взрослой любовью". Здесь узнал, что такое успех, зависть, клевета, хула, слава. Его книга называется "Я просто ЖИВУ". Может, любовь к Богу, которой по сложным причинам занедужил великий поэт, только одна из граней любви к жизни? А жизнь даже в заглавной-то букве не нуждается.

Владимир ПРИХОДЬКО.